

ВЕРХНЕКУСКОКВИМСКИЙ ЯЗЫК АТАБАСКОВ АЛЯСКИ:
РУССКИЕ ВЛИЯНИЯ ВРЕМЕН Л.А.ЗАГОСКИНА
А.А.Кибрик (Институт языкознания РАН, Москва)
kibrik@comtv.ru

Мне довелось заниматься изучением одного из коренных языков Аляски – так называемого верхнекускоквимского языка (Upper Kuskokwim). Как ясно из самого его названия, этот язык распространен в верхнем течении Кускоквима – там, где эта река собственно образуется слиянием южного, восточного и северного ее рукавов. И верхнекускоквимский этнос, и его язык подверглись в 19 веке существенному русскому влиянию. Это влияние, однако, часто было опосредованным. Дело в том, что верхнекускоквимцы проживали во внутренних районах Аляски, на территории, расположенной очень далеко от прибрежных районов, в основном интересовавших Российско-Американскую Компанию. Очевидно, встречи верхнекускоквимцев с русскими были редкими и спорадическими, и большинство контактов осуществлялось через посредство других коренных народов, проживавших ближе к основной зоне деятельности русских на Аляске. Но было одно важное исключение – из числа русских первопроходцев к верхнекускоквимскому ареалу вплотную подошел Л.А.Загоскин. Тема данной статьи – следы русского влияния, сохранившиеся по настоящее время в верхнекускоквимском языке.

1. Загоскин на землях верхнего Кускоквима

Л.А.Загоскин в своем путешествии вверх по Кускоквиму в 1844 году дошел до устья р. Точотно (31 мая 1844, 62°57'31" с. ш. и 155°06'18" з. д.). Это река, ныне официально называемая Такотна. На месте ее впадения в Кускоквим находится поселок МакГрат (McGrath). Эта местность исторически входит в состав этнической территории одного из атабаскских народов Аляски – верхнекускоквимцев (Upper Kuskokwim). Судя по всему, название «Такотна» происходит из языка соседнего атабаскского народа, ингалик, а вариант «Точотно», отмеченный Загоскиным, – из верхнекускоквимского языка, где эта

река называется именно Tocho'no'. Очевидно, что Загоскин в мае 1844 г. не только доплыл до земель верхнекускоквимцев, но и вступил с ними в контакт.

Из рассказа Загоскина ясно, что он разговаривал с верхнекускоквимцами и записал от них гидронимы верхнего течения Кускоквима. В частности, упоминаемое им название «Иццынно» очевидно отражает верхнекускоквимское название южного рукава Кускоквима Edzeno', на котором находится деревня Николай – ныне место проживания подавляющего большинства верхнекускоквимцев.

Местоположение верхнекускоквимского ареала на карте Аляски можно увидеть на рис. 1. Там же на врезке показан населенный пункт Такотна, находящийся на одноименной реке (верхнекуск. Tocho'no') и южный рукав Кускоквима (верхнекуск. Edzeno').

ВСТАВИТЬ РИС. 1.

Рис. 1. Верхнекускоквимский ареал на карте Аляски

Экспедиция Загоскина сыграла большую роль в установлении контактов между русскими и аборигенами Кускоквима. В своей книге Загоскин прямо настаивает на необходимости обеспечения индейцев предметами, необходимыми для их жизни и хозяйствования. Эта его установка, очевидно повлиявшая на политику Российско-Американской Компании, в конечном счете отразилась в многочисленных заимствованиях, обнаруживаемых в языке индейцев верхнего Кускоквима. Однако прежде чем рассказать об этих заимствованиях, необходимо дать некоторые общие сведения о верхнекускоквимцах и их языке.

2. Верхнекускоквимцы

Верхнекускоквимцы — немногочисленный этнос, даже по масштабам атабаскских племен Аляски. В настоящее время насчитывается около двух сотен

людей (всех возрастов), связанных по происхождению с верхнекускоквимским племенем. Неизвестно, превышала ли их численность эту цифру существенно во времена Загоскина. Большинство нынешних верхнекускоквимцев — смешанного происхождения, в особенности это касается детей, типично имеющих индейскую мать и белого отца.

С 1830-х годов верхнекускоквимцы подвергались культурному влиянию русских. Это влияние сыграло краеугольную роль при формировании современного верхнекускоквимского этноса. Православие, которое было, по-видимому, поголовно принято верхнекускоквимцами в середине 19 века, составляет сейчас единственный зримый компонент их традиционной культуры. Русский (точнее, церковнославянский) язык используется старшим поколением как культовый — язык церковных песнопений. При этом, конечно, содержание произносимого верхнекускоквимцы буквально не понимают; в этом отношении церковнославянский язык здесь функционирует как латынь у поляков, арабский у турок, и т.п.

Традиционно верхнекускоквимцы были таежными кочевниками. С конца 19 века существует деревня Николай, которая в течение 20 века стала центром притяжения членов верхнекускоквимской общины, и верхнекускоквимцы постепенно перешли к оседлому образу жизни. В настоящее время в Николае живет от 80 до 100 людей, из которых лишь 10-15 не являются коренными местными жителями. В Николае есть шесть основных индейских фамилий: Николай, Деннис, Исай, Григори, Петруска (< рус. *Петрушка*) и Алексиа (последняя фамилия была привнесена пришлым эскимосом, женившимся на верхнекускоквимской женщине). Другие известные верхнекускоквимские фамилии: Сесуй (< рус. *Сысой*), Илуска (< рус. *Илюшка*), Диафон, Васили, Питка (< рус. *Петька*). Все эти фамилии стали употребляться как собственно родовые имена (а не как просто отчества) с 1920-х или 1930-х гг.

3. Верхнекускоквимский язык

Верхнекускоквимский язык относится к атабаскской языковой семье. Это одна из крупнейших семей Северной Америки, распространенная в трех географически разделенных ареалах — на северо-западе континента (Аляска и западная Канада; языки дена'ина, коюкон, кутчин, слейви, чипевайан, сарси и мн. др.), в небольшом ареале тихоокеанского побережья (северная Калифорния и южный Орегон; языки хупа, толова и др.) и на юго-западе США (апачские языки, навахо). Атабаскская семья входит в макросемью на-дене вместе с языками эяк и тлингит. Верхнекускоквимский язык (Upper Kuskokwim Athabaskan) — один из 11 атабаскских языков Аляски; см. карту на рис. 2. Этот язык был идентифицирован как особый язык, отличный от соседних языков ингалик, коюкон, танана и дена'ина (танайна), М.Крауссом и Р.Коллинзом в начале 1960-х гг. Основной источник сведений по верхнекускоквимскому языку – школьный словарь с грамматическим очерком Collins and Petruska 1979. См. также очерк Кибрик 1998.

ВСТАВИТЬ РИС. 2

Рис. 2. Верхнекускоквимский среди коренных языков Аляски. Составитель карты – М. Краусс (Krauss 1982)

Полный переход с верхнекускоквимского на английский произошел в Николае необычайно быстро, в течение 15-20 лет. В 1948 г. открылась миссионерская школа; до этого времени английский язык верхнекускоквимцами не использовался и был им практически неизвестен. Но уже в 1960-е гг., когда родились и росли дети людей, прошедших миссионерскую школу, начался массовый отказ от верхнекускоквимского языка. Дети воспитывались уже на английском языке, и в результате верхнекускоквимский как семейный язык был отвергнут. В течение 1960–70-х гг. верхнекускоквимский еще довольно активно использовался старшим поколением. В настоящее время осталось, по-видимому,

лишь две-три супружеских пары, продолжающих повседневно использовать верхнекускоквимский (наряду с английским).

Носителей верхнекускоквимского языка насчитывается около трех десятков. Подавляющее большинство их старше 60 лет, есть лишь несколько людей более младшего возраста. С начала 1970-х гг. верхнекускоквимский преподается в николайской школе как предмет. Однако это ни в коей мере не остановило умирание языка. Напротив, для нынешних молодых верхнекускоквимцев родной язык — это несколько десятков названий птиц и зверей, выученные на уроках, а вовсе не средство коммуникации.

Я занимаюсь верхнекускоквимским языком с 1997 года. В 1997 и 2001 годах были проведены две экспедиции в с. Николай (каждая – по 4 месяца), где проводилась работа по сбору грамматических, словарных и социолингвистических сведений о данном языке.

4. Пути проникновения русских заимствований

В верхнекускоквимском насчитывается около 80 лексических заимствований из русского языка — непосредственных или через посредство других местных языков (атабаскских или эскимосского). Эти слова можно разделить на несколько групп по тому, каков был «маршрут» их попадания в язык – непосредственно из русского или через посредство других языков. О том, каков был маршрут, часто можно судить по форме слова в верхнекускоквимском языке.

К первой группе относятся слова, которые, по-видимому, попали в верхнекускоквимский непосредственно из русского языка – не исключено, что и во время эпизода встречи, описанного в книге Л.А.Загоскина. Примеры таких слов: *suhale* ‘сухари’, *galdi* ‘карты’, *jise* ‘часы’ (буква *e* в верхнекускоквимской графике обозначает долгое [i]). Эти слова, конечно, не совпадают по своему звучанию с русскими оригиналами, но это не удивительно: те звуки, которых нет в верхнекускоквимском языке заменены на сходные. В частности, русское [r] заменяется в верхнекускоквимском на [l]. Что касается звуков [g], [j] в начале слов ‘карты’, ‘часы’, то это довольно регулярный процесс. Как будет видно ниже,

русские глухие согласные обычно воспринимались верхнекускоквимцами как более близкие к звонким и передавались соответственно.

Ко второй группе принадлежат слова, попавшие в верхнекускоквимский язык из русского не напрямую, а через посредство другого родственного атабаскского языка, более тесно соприкасавшегося с русским. Эта группа содержит больше слов, чем первая, что неудивительно, учитывая отдаленность верхнекускоквимцев от районов, где проживало большинство русских во времена Русской Америки. Слова данной группы опознаются благодаря особому механизму, упомянутому М. Крауссом (Krauss 1996). Этот механизм можно обозначить как народную сравнительно-языковую интуицию. Она состоит в том, что индейцы-атабаски знали, или, скорее, чувствовали звуковые соответствия между родственными языками, и при заимствовании русского слова из одного атабаскского языка в другой производили над ним необходимую трансформацию. Например, звук [g] в языке дена'ина обычно соответствует [j] в верхнекускоквимском. Это характерно для исконно атабаскских слов. Например, название серой сойки на дена'ина – *gizha*, на верхнекускоквимском – *jezga*. В тех случаях, когда в языке дена'ина было уже позаимствовано русское слово, содержащее звук [g], и оно далее заимствовалось в верхнекускоквимский, то верхнекускоквимцы производили замену [g] на [j], по аналогии со звуковыми соответствиями в исконных словах. Например, слово 'деньги' в верхнекускоквимском выглядит как *denje*. Скорее всего, это верхнекускоквимская репрезентация слова *dingi* – так оно выглядит в дена'ина. К этой же группе относятся слова *meqa* 'хлеб, мука', *medulja* 'бутылка', *jilots* 'ключ', *tsaynech* 'чайник' и другие.

Третью группу составляют слова, позаимствованные через посредство эскимосского языка центральный юпик, распространенного в нижнем течении Кускоквима. Верхнекускоквимцы в летний период сплавлялись вниз по реке, чтобы приобрести товары и пройти через обряд крещения, и в ходе этих поездок приобретали артефакты и соответствующие слова от эскимосов. Эти слова опознаются легко: в них к русским корням добавляется окончание –*k*, которое в эскимосском указывает на именительный падеж. В атабаскских языках падежей

нет, поэтому это окончание верхнекускоквимцы воспринимали как часть корня. Примеры: *maslik* ‘масло’, *melik* ‘мыло’, *sahilik* ‘сахар’.

Наконец, последняя группа слов – это те, которые по пути из русского языка в верхнекускоквимский прошли через посредство и эскимосского, и какого-то из атабаскских языков. Они и содержат элемент –*k* в конце, и демонстрируют аналогические замены звуков, как во второй группе. Примеры: *tanjak* ‘банка’, *mojjak* ‘бочка’, *meljak* ‘вилка’. Эти слова опознать как русские заимствования нелегко, но тем не менее они полностью соответствуют описанным выше системным закономерностям. Начальное [m] имеет место потому, что в верхнекускоквимском языке нет звуков [b] и [v], и все губные согласные заменяются на [m]. Звук [j] на месте русского *к* представлен в силу двух обстоятельств: во первых, озвончение *к* в [g], скорее всего уже в дена’ина, во вторых, аналогическая замена [g] на [j], как в вышеописанном слове ‘деньги’.

5. Заключительные замечания

Исследование русских заимствований в верхнекускоквимском языке позволяет реконструировать сеть межэтнических контактов, существовавших в середине 19 века в западной и центральной частях Аляски, проследить альтернативные пути попадания артефактов и – вместе с ними – новых культурных концептов в район верхнего Кускоквима от русских – напрямую или через посредство соседних этнических групп (см. стрелки на рис. 2). Основные контакты происходили:

а) по основной водной артерии – реке Кускоквиму:

а1) с атабасками ингалик (дег хит’ан)

а2) с эскимосами, жившим намного ниже по реке

а3) в отдельных случаях непосредственно с русскими (Колмаков, Загоскин)

б) через Аляскинский хребет – с индейцами дена’ина (танайна), жившими южнее, между заливом Кука и горами

в) реже – с индейцами коюкон, жившими севернее, в бассейне р. Юкон

Литература

Кибрик А.А. 1998. Полевая лингвистическая работа на Аляске: Исследования верхнекускоквимского атабаскского языка. В сб.: Профессионалы за сотрудничество, выпуск 2. Под ред. А. Барабашева, А. Яголы и др. М.: Янус-К, 1998, 310-324.

Collins, Ray, and Betty Petruska. 1979. Dinak'i (Our words). Upper Kuskokwim Athabaskan Junior Dictionary. Anchorage: NBMDC.

Krauss, Michael. 1982. Native peoples and languages of Alaska. (A map.) Fairbanks: ANLC.

Krauss, Michael. 1996. The Russian language in Alaska and in Alaskan native languages. In: Wurm, Stephen A. and Muhlhausler, Peter and Tryon, Darrell T., (eds.) Atlas of languages of intercultural communication in the Pacific, Asia, and the Americas. Trends in linguistics (13). Mouton de Gruyter, Berlin ; New York, pp. 1209-1212.